

Глава 6

Ху Пэй впервые забыл о своей брезгливости и протянул изящные, белые пальцы к стоявшей справа бамбуковой клетке.

— Не стоит, молодой господин! — торопливо предостерёг его торговец. — Этот Сяо Бай хоть и мал, а характер у него лютый, никого к себе не подпускает. Рассердится, полоснёт когтями — потом полмесяца рану лечить замучаетесь.

Ху Ян, испугавшись за брата, тоже поспешил вмешаться:

— Сяо Цзю, если уж хочешь кого-то взять, выбери того, что в левой клетке. Слышишь, как звонко лает? Сразу видно — крепыш, такого выходить проще простого.

Ху Пэй, однако, не отрывал взгляда от белого пушистого комочка, который даже не шевелился.

— А ты занятный малый, — негромко усмехнулся он. — Белый, точно вьюжный снег, а норов выказываешь — даже головы поднять не соизволишь?

Округлые уши белого зверька дрогнули. Он нехотя приподнял острую пушистую мордочку с розовым пятачком носа и уставился на Ху Пэя парой глаз, отливавших глубоким рубиновым блеском.

Ху Пэй остался невозмутим, а вот его брат Ху Ян и слуга Ху Линь синхронно ахнули от неожиданности.

— Это... это на самом деле не собака, это... — испуганно забормотал торговец.

— Лиса, — коротко обронил Ху Пэй.

Душа Ху Пэя несла на себе клеймо перерождения, связавшее его договором с маленьким принцем клана лис. В его смутных воспоминаниях целью этого перевоплощения было чрево лисьей королевы из Царства демонов, в котором теплилась жизнь едва зародившегося, ещё лишённого шёрстки лисёнка.

Возможно, именно из-за контракта, заключённого в Башне Очищения, этот белый зверёк показался ему на удивление близким.

Но по-настоящему внимание Ху Пэя привлекло другое: от лисёнка исходило плотное, едва заметное духовное сияние. Похоже, этот зверь успел полакомиться немалым количеством редких сокровищ.

Земли империи Великая Чжоу лежали на Восточном континенте мира Цзюньчжоу, где духовная энергия не рождалась сама по себе. Лишь изредка поглощая артефакты, хранящие в себе крупницы этой силы, можно было сберечь и поддержать ту духовную мощь, которой душа была наделена от рождения.

Красные рубины глаз белого лиса встретились со взглядом юноши, и зверь сразу всё понял.

"Почти пятьдесят лет поисков... И вот я наконец нашёл истинного хозяина этого тела — душу маленького принца клана лис, которая сбежала, едва подписав в Башне Очищения договор о перерождении"

Девять Преисподних

В то же самое время в Девяти Преисподних Повелитель Грома, подперев ладонью безупречно очерченный подбородок, откровенно изнывал от безделья. Ради хоть какого-то развлечения он приглядывал за работающими чиновниками загробного приказа.

Те судорожно разбирали нескончаемый поток призрачных свитков, прибывающих из Башни Очищения, что возвышалась над морем Жёлтых Источников, дабы поскорее отправить очищенные души в круговорот перерождений.

Вдруг Повелитель Грома почувствовал, как отозвалась нить божественного сознания, оставленная им в теле белого лиса в мире смертных. Он мгновенно устремил ледяной, отрешённый взор за пределы призрачного чертога. От резкой перемены его ауры писцы и судьи испуганно переглянулись и с утроенным усердием зашуршали бумагами, боясь навлечь на себя гнев господина.

"Как и следовало ожидать, душа, переступившая порог Башни Очищения, навеки связана договором. Упрямый дух, отказавшийся от законного воплощения, и пустая лисья плоть, оставшаяся в поднебесном мире, неминуемо должны были притянуться друг к другу. На этот раз беглецу не скрыться. Душа маленького принца клана лис наконец встретилась со своим телом"

— Уж теперь-то узел затянут крепко, — Повелитель Грома многозначительно и опасно улыбнулся. — Осталось лишь вернуть его назад и покончить с этой мятежной душой.

Золотая столица

В мире смертных Ху Ян, видя, что младший брат твёрдо вознамерился забрать белоснежного, но явно кусачего зверька, затеял с торговцем ожесточённый спор. Сбив цену до пятидесяти медных монет, он выкупил лисёнка вместе с бамбуковой клеткой.

Поскольку слугу Ху Суна выставили вон, а Минцуань остался приглядывать за делами в усадьбе, Ху Яну пришлось самому тащить тяжёлую ношу, плетясь следом за праздным братом до самых ворот дома.

Едва они переступили порог усадьбы Ху, навстречу им выбежал Минцуань. Ху Ян тут же, не теряя времени, спихнул ему клетку.

— Забирай, Минцуань, — с облегчением вздохнул Ху Ян. — Только осторожнее, это лиса, и характер у неё скверный. Смотри, чтобы Сяо Цзю близко пальцы не совал. Не хватало ещё, чтобы эта тварь расцарапала его нежную кожу — столичные девицы тогда все слёзы выплачут от жалости.

Ху Пэй, уже собиравшийся пройти под круглой аркой Сада Сосен и Бамбука, на мгновение остановился. Нахмурившись, он обернулся к старшему брату:

— Шестой брат, у тебя разве нет уроков? Неужели ты думаешь, что доброго имени достаточно, чтобы получить чин? Экзамен в Государственный университет даётся не каждому.

— Всё, всё, ухожу, — примирительно поднял руки Ху Ян, давно привыкший к язвительности младшего. Сбагрив корзину слуге, он поспешил откланяться и направился к своему западному флигелю.

Минцуань с сомнением покосился на свернувшегося клубочком лисёнка, затем перевёл взгляд на девятого молодого господина, который уверенным шагом направлялся к своему Двору Нефритового Ириса.

— Что это за диковина? — негромко спросил он у отставшего слуги Ху Линя.

— Кто его знает, — пожал плечами Ху Линь. — Молодой господин всегда покупает зверушек, если они ему приглянутся. Поиграет пару дней, а потом отпускает обратно в лес. Думаю, и этого побегаёт-побегаёт, да и отпустит.

Минцуань невольно вспомнил курятник на заднем дворе усадьбы и криво усмехнулся:

— Ну, дай-то бог.

Однако на сей раз всё пошло иначе.

Едва они переступили порог, Ху Пэй велел Минцуаню оставить клетку в гостиной перед спальней, запер двери и собственноручно откинул бамбуковую задвижку.

Белый лис осторожно высунул нос наружу, огляделся и грациозно, плавно покачивая пушистым хвостом, направился прямо к Ху Пэю. В его походке сквозило царственное величие. Уставившись своими рубиновыми глазами в лицо юноши, он издал тонкий, похожий на младенческий плач звук:

— О-о-у...

— Хм? — Ху Пэй удивлённо приподнял бровь. К своему изумлению, он не уловил в этом звуке ни единой мысли.

"Неужели этот зверёк и вправду просто лает, без всякого скрытого умысла?"

В этот момент в комнату вошёл Минцуань с лаковым коробком для еды. Увидев, что белый лис преспокойно устроился на коленях Ху Пэя, он испуганно замер:

— Молодой господин! Зачем вы его выпустили? Вдруг укусит?

Стоявший рядом Ху Линь лишь снисходительно покачал головой:

— Эх, Минцуань, неужто ты никогда не слышал, за что столичные книжники прозвали нашего господина Линцзюнем? Не только за глубокие познания в науках, но и за то, что любая живая тварь к нему ластится. Говорят, он саму душу природы ведаёт.

Минцуань послушно закивал.

"Конечно, слышал. Да только в народе больше шепчутся о другом — мол, господин Линцзюнь прекрасен настолько, словно небожитель спустился на землю в смертном теле"

Минцуаня приставили к девятому молодому господину совсем недавно, по велению первой госпожи, и хоть слухов о странностях хозяина он наслушался вдоволь, воочию такое видел впервые. Оставив коробок с едой Ху Линю, он заворожённо шагнул вперёд, невольно потянув руку к мягкой, пушистой белоснежной шкуре лиса.

Ху Пэй слегка поморщился и неуловимым движением отстранился, уберегая питомца:

— Если не боишься остаться без пальцев — валяй, пробуй.

— Ой, нет-нет, — Минцуань испуганно отдернул руку за спину. — Молодой господин, а чем же его кормить?

Этот вопрос заставил Ху Пэя задуматься.

"Обычно дикие звери сами дают понять, чего просит их утроба, но этот... Возможно, он от рождения обделён умом?"

Но, вновь взглянув на струящийся по шёрстке духовный свет, юноша решил не делать поспешных выводов.

— Наш отец — человек утончённого вкуса, чай заваривает исключительно на дождевой воде, скопленной до падения на землю, — задумчиво проговорил Ху Пэй. — А старая госпожа жалуется целебные каши, для которых слуги возят воду из горного источника Цяньцю. Ступай в оба двора, попроси по кувшину той и другой воды, да свари в них по паре яиц. Сяо Хуансянь от такого угощения за уши не оттащишь, глядишь, и этому привереде придётся по вкусу.

— Это кто тут меня поминает? — звонкий голосок раздался от порога. В комнату впорхнула Сяо Хуансянь, но едва её взгляд упал на свернувшегося на коленях Ху Пэя белого лиса, она сдавленно вскрикнула и отпрянула назад: — Мама мамочки!..

Лис мгновенно вскинул голову. Он впился рубиновым взглядом в лицо вошедшей, а пасть слегка приоткрылась, испуская волну чистейшей, ослепительной духовной силы, которая невидимым щитом ударила ласку. Зверь чуть сощурил глаза, а он хитро ухмыльнулся, отчего морда приняла на удивление коварный, заговорщический вид.

— Мо-молодой... господин... — зубы Сяо Хуансянь застучали от ужаса. С первого же мгновения она почуяла, насколько опасен этот белоснежный гость. — У меня... там... в комнате обед остывает! Я побежала!

Едва договорив, она кубарем скатилась с крыльца и припустила прочь так быстро, что только пятки засверкали.

— Пстой, ты куда?! — растерянно крикнул ей вслед Минцуань. — Хуан Сянь, ты ведь служанка, как можно так бесцеремонно...

Вместо ответа из глубины сада донёсся лишь звонкий стук захлопнувшейся двери её флигеля.

Ху Пэй промолчал. Он задумчиво опустил ладонь на спину вновь обмякшего лиса и принялся мерно поглаживать его, ощущая пальцами тихое, утробное урчание зверя.

"И впрямь непрост... Похоже, этот пушистый комок уже успел обрести разум"

Ху Линь, всегда жалевший сироту Хуан Сянь, негромко заступился за неё перед приятелем:

— Да ладно тебе, не ворчи. Девчонка совсем ещё глупая, семьи лишилась рано. Увидела хищника и перепугалась — дело житейское.

Минцуань лишь недоумённо захлопал глазами.

"Странно всё это. Барышни обычно без ума от таких белых пушистиков, а эта бежит как от чумы"

Ху Пэй уже потянулся было к палочкам для еды, но вовремя вспомнил, что только что ласкал дикого зверя. Брезгливость тут же взяла верх, и он отложил приборы.

— Подадите обед позже. Сначала приготовьте мне купальню. Да побольше горячей воды принесите — этого замарашку тоже нужно как следует вымыть.

— Фэйбай? — хором переспросили слуги.

Заметив, как потемнело лицо молодого господина, они поняли, что спорить не стоит, и поспешили во двор за водой.

Когда бочки в купальне наполнились горячей водой, Ху Пэй, не терпевший чужого присутствия во время омовения, заперся в мыльне, бережно неся притихшего лиса на руках.

Усадив зверька на край широкой деревянной бадьи, он наклонился к его рубиновым глазам и произнёс со всей строгостью, на какую был способен:

— Вот тебе две бадьи. В первой смоешь дорожную грязь, во второй — ополоснёшься. Учти, если останешься грязным, я велю содрать с тебя шкуру, а мясо пустить на похлёбку.

— О-о-ин... — жалобно отозвался лис.

Ху Пэй вновь попытался уловить хоть крупицу смысла в этом звуке, но тщетно.

— Да что с тобой не так? — пробормотал он в недоумении. — Не бывало ещё такого, чтобы я не понимал бессловесную тварь. Даже когда Сяо Хуансянь принимает истинное обличье, я ясно слышу её мысли. Почему же с тобой всё иначе?

Впрочем, долго ломать голову он не стал. Заметив, как послушно Фэйбай скользнул в тёплую воду и принялся тереть лапками мордочку, юноша невольно улыбнулся.

— Видно, дело не в моей глухоте, а в твоей скрытности. Ты ведь не простой зверь, а дух с немалой силой. Иначе с чего бы ласка улепетывала от тебя без оглядки?

Он пристально наблюдал за лисом, но тот даже ухом не повел, продолжая невозмутимо мыться, словно и не слышал слов хозяина. Ху Пэй покачал головой. Это был первый случай в его жизни, когда животное действовало столь скрытно и непредсказуемо.

"Ладно, коли не хочешь открываться — не надо. Посмотрим, сколько ты сможешь притворяться немым"

Отбросив лишние думы, Ху Пэй с удовольствием погрузился в горячую воду, тщательно вымыв тело и распустив по плечам длинные влажные волосы.

В это время Повелитель Грома, чья частица сознания таилась в теле лиса, сидел во второй бадье с чистой водой. Сквозь полуприкрытые веки он внимательно разглядывал юношу.

"Кожа бела и чиста, точно полированная яшма... Неудивительно, что именно в этом теле нашла приют мятежная душа наследника лисьего владыки"

Пусть сейчас Ху Пэй и обитал в брэнной человеческой плоти, но печать, наложенная Колесом Сансары в Башне Очищения, оставалась нерушимой. Отказавшись войти в назначенное ему тело лисьего принца, его дух всё равно остался навеки связан первоначальным договором о перерождении. И эта могучая, чуждая человеку природа с каждым днём всё сильнее меняла его нынешнюю смертную оболочку.

Когда Башня Очищения перешла под длань Девяти Преисподних, забота о подобных "проблемных" душах легла на плечи загробных судей. И Повелитель Грома, как новоявленный владыка подземного царства, был обязан довести это дело до конца. Вот только душа Ху Пэя упорно не желала добровольно спускаться в царство мёртвых, дабы разорвать порочный круг.

На самом деле решение было простым до безобразия: лишить Ху Пэя земной жизни, сковать его мятежную душу и силой вернуть в тело предназначенного ему лисьего принца. Стоило духу занять подобающее место, как старый договор перерождения потерял бы силу. А когда лисья плоть отжила бы свой век, душа вернулась бы в Преисподнюю, чтобы пройти через очищение и заключить новый, чистый контракт.

В противном случае, продолжая силой удерживать чужую человеческую плоть, Ху Пэй неизбежно навлекал на себя гнев законов Сансары. Его ждала либо скорая и мучительная кончина, либо бесконечная череда бедствий и проклятий, от которых не укрыться ни одному смертному.

Тем временем Ху Пэй уже выбрался из бадьи. Обтеревшись насухо, он облачился в свежие свободные одежды и с удивлением обнаружил, что хитрый лисёнок времени даром не терял — он всю катался по расстеленному на лавке пушистому полотенцу, суша шкурку.

Юноша подошёл ближе и присел перед ним на корточки.

— И кто тут у нас прикидывается немым глупцом? — беззлобно усмехнулся он.

Ху Пэй легонько коснулся кончиком пальца лба лиса. Вспыхнула мягкая искра, и слипшаяся, мокрая шёрстка Фэйбая в мгновение ока сделалась сухой, чистой и пушистой.

Часть сознания Повелителя Грома, сокрытая в лисьем теле, на миг оцепенела от изумления.

"Невероятно... Душа лисьего принца, застряв в теле смертного, сумела взрастить собственную духовную силу и обрести Очищенное Сердце?"

Убедившись, что зверёк просох, Ху Пэй бережно поднял его на руки и ласково провёл ладонью по белоснежной спине.

— Ну что, Фэйбай, — негромко заговорил он, всматриваясь в глубину рубиновых глаз. — Говорят, истинный друг дороже золота, а родственные души и на краю света узнают друг друга. Мы с тобой, конечно, не из одного гнезда, но какая-то невидимая ниточка нас явно связывает. Я помог тебе обрести чистоту и покой, так, может, и ты сослужишь мне службу?

— О-о-ин... — едва слышно пролепетал лис, ткнувшись влажным носом в его ладонь.

Из груди Ху Пэя вырвался чистый, переливчатый смех, похожий на звон яшмовых подвесок. Белый лис недоверчиво повёл ушами.

— Хотя я и не разумею твоего наречия, но приму этот вздох за согласие, — улыбнулся юноша и, прижимая пушистый комок к груди, вышел в гостиную.

Там их уже дожидались слуги. На столе исходил паром свежеразогретый ужин, а рядом стояли две небольшие пиалы с варёными яйцами — по одному на каждую принесённую воду.

Ху Пэй на секунду замер, перестав гладить шёлковую шёрстку. Приподняв лиса повыше, он строго взглянул ему в глаза:

— Слушай меня внимательно: если ты привык жрать сырое мясо или дохлятину — мы не уживёмся. В моём доме едят только чистое и приготовленное.

— О-о-ин... — послушно отозвался зверёк.

— Будем считать, что уговор скреплён, — Ху Пэй опустил Фэйбая на стол и пододвинул к нему обе пиалы.

Сам он неспешно принялся за ужин.

"Эх, разогретая еда совсем не то... Вкус совсем не тот, что у свежеприготовленной"

Но, не желая расстраивать матушку, он без лишних капризов быстро съел всё, что было предписано, а после перевёл взгляд на своего белого спутника.

Фэйбай осторожно обнюхал обе чашки, а затем аккуратно, кончиком розового языка принялся лакать прозрачный бульон. В отличие от обычных деревенских собак, которые едят шумно и неряшливо, лис лакал бесшумно и грациозно, точно избалованный домашний кот. Эта повадка пришлась Ху Пэю по душе.

Вернувшиеся из мыльни слуги застыли в дверях, с улыбками наблюдая за этой картиной. Но не успели они вымолвить и слова, как лис внезапно отстранился от чашек, давая понять, что сыт.

— Минцуань, впредь бери воду только из источника Цяньцю во дворе старой госпожи, — распорядился Ху Пэй. — И одного яйца будет предостаточно. Убирайте со стола. А то, что осталось, отнесите на птичник.

Ху Линь молча принялся собирать посуду, а Минцуань не сдержал негромкого смешка:

— Ну и шутки у вас, молодой господин! Кормить кур яйцами... Наш боевой петух со страху кукарекать разучится.

Ху Пэй пропустил его слова мимо ушей. Дождавшись, пока слуги принесут чистую воду для умывания и сменят постель, он окинул взглядом благоухающего чистотой лиса и, не раздумывая, увлёк его за собой под расшитый полог кровати.

— Молодой господин, — с сомнением покачал головой Ху Линь, гася свечи. — Может, не стоит? Зверь всё-таки дикий. Вдруг ночью поцарапает или укусит со сна?

— Ничего, иди спать, — отмахнулся Ху Пэй.

Когда слуга затворил за собой дверь, юноша уселся на край постели и строго погрозил пальцем уже свернувшемуся клубком лису:

— Спишь? Знаю, что всё ты понимаешь. Слушай уговор: ночью не шуметь, на пол не прыгать. Если испачкаешь лапы — на кровать больше не пущу. А не то...

Какое именно наказание ждёт нарушителя, он уточнять не стал.

Фэйбай лежал без движения, уткнув нос в хвост и притворяясь спящим беспробудным сном. Поняв, что говорить больше не с кем, Ху Пэй вздохнул, забрался под шёлковое одеяло и закрыл глаза. Но сон не шёл.

Повернувшись на бок, он некоторое время разглядывал ровно вздымающийся белый бок зверя. Хмыкнув, юноша осторожно потянул край тёплого одеяла и укрыл им лиса, после чего наконец погрузился в глубокий сон.

Глубокой ночью, на грани яви и полусабытья, Ху Пэю явилось видение.

Он шёл по извилистой тропе, вымощенной чёрным речным камнем. По обе стороны дороги, уходя в беспросветную тьму, пламенели алые цветы без листьев — лишь тонкие, изогнутые, точно нити, лепестки тянулись к холодному небу.

Из самых тёмных глубин разума начали подниматься воспоминания о том, как когда-то его дух пробивал себе путь наверх, прочь из Девяти Преисподних.

Перед мысленным взором вновь возник неясный силуэт в серебристо-белых доспехах, на наплечнике которых змеился высеченный узор молнии. Длинные, как ночь, чёрные волосы незнакомца развевались на ледяном ветру Преисподней, окутанные багровым, точно запекшаяся кровь, сиянием.

Ху Пэй замер посреди вымощенной тропы, растерянно всматриваясь в далёкие очертания Призрачного города Фэнду, окутанного тусклым, кровавым светом поминальных свечей. Там, впереди, за пределами видимости, лениво несла свои жёлтые мутные воды великая Река Забвения, подмывая глинистые берега, заросшие алыми цветами.

Когда-то давно его душу, разрываемую на части голодными духами, вынесло течением этой безжалостной реки на берег... Но тот воин в белой броне ушёл, даже не обернувшись на его безмолвный крик.

Во сне Ху Пэй тихо и пугающе рассмеялся, глядя на колышущийся океан кроваво-красных лепестков у своих ног. В этом смехе смешались горечь, обида и какая-то безумная тоска, отзывавшаяся острой болью в его нынешнем, смертном теле.

Свернувшийся в углу постели Фэйбай внезапно почувствовал, как в груди лисьего тела кольнуло предсмертной мукой. Он распахнул рубиновые глаза во тьме ночи, заставив его взглянуться в искажённое судорогой лицо спящего юноши. Помедлив мгновение, лис бесшумно подобрался ближе и юркнул под одеяло, свернувшись тёплым клубком у самого сердца Ху Пэя.

Свинцовая тяжесть отступила от груди спящего. Ху Пэй затих, медленно разворачиваясь на призрачной тропе спиной к далёкому Призрачному городу Фэнду.

"Если он отказался сойти в эти бездны, с какой стати я должен покорно склонить голову?
Пусть мир рухнет в тартарары, но я отыщу тебя и узнаю твоё имя"

И когда он сделал первый шаг прочь от дороги мёртвых, тишину за его спиной нарушил протяжный, заунывный напев:

"Вернись, о душа, предайся покою,

Вернись же, о душа, в чертоги блаженства.

О лис, дикий лис, отчего не спешишь ты домой?.."

Ху Пэй на миг замер. Обернувшись к колышущемуся туману, он презрительно усмехнулся:

— То, что вы зовёте раем, мне не по душе. О каком же блаженстве вы поёте?

С этими словами он безжалостно разорвал путы сна и открыл глаза в предрассветной тишине.

<http://bllate.org/book/18313/1758549>